

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.03
УДК 94(571.1)"1938/1941"
ББК 63.3(253.3)613

В.А. ИЛЬИНЫХ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.*

В статье осуществлена реконструкция особенностей функционирования колхозной системы в Западной Сибири в конце 1930-х гг. Анализ проводился в контексте аграрной политики Советского государства. Определены динамика и факторы развития сельского хозяйства. Установлено, что основными причинами низких темпов развития сельскохозяйственного производства являлись кампания по ограничению личных приусадебных хозяйств населения и существенное увеличение тяжести налогового-податного обложения колхозов.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, колхозы, личные приусадебные хозяйства, Сибирь

V.A. ILYINIYKH

THE FUNCTIONING OF THE KOLKHOZ SYSTEM IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE 1930S

The article reconstructs specific features of the kolkhoz system functioning in Western Siberia in 1935–1937. This system has been analyzed within the context of agricultural policies of the Soviet State. The author determines dynamics and factors of organization of agricultural industry. Conclusion of the article is that the main causes of the low rates of agricultural development were campaign to limit personal household farms and significant increase of taxation on collective farms

Keywords: agricultural policy of the Soviet state, agricultural industry, kolkhoz, private household farms, Siberia

В 1930-е гг. в СССР сформировалась принципиально новая модель аграрного строя, которую можно определить, как колхозную систему. Ее организационно-производственной основой являлись колхозы. С одной стороны, они находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях неэквивалентного и принудительного обмена. Помимо колхозного уклада в рамках аграрного строя сталинского социализма функционировали госу-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

дарственный (совхозный) и личный приусадебный хозяйственные уклады. Личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников были интегрированы в колхозную экономику, а совхозы являлись ее вспомогательным придатком. Важным этапом развития колхозной системы явился период с 1938 г. до начала Великой Отечественной войны.

Задачей настоящей статьи является анализ особенностей функционирования колхозной системы в конце 1930-х гг. в Западной Сибири, являвшейся одним из основных сельскохозяйственных районов страны. В территориальные рамки работы входят Алтайский край, Новосибирская и Омская области в предвоенных границах.

Спровоцированный массовой коллективизацией кризис сельского хозяйства в середине 1930-х гг. был в целом преодолен. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, а также меры помощи личным хозяйствам их членов способствовало наращиванию производительных сил сельского хозяйства. Тем не менее, поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции не была достигнута. В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных и сырьевых ресурсов.

По мнению руководства страны, основными причинами отставания сельского хозяйства от потребностей страны являлось несовершенство налогово-податной системы, которая не обеспечивала необходимого уровня изъятия земельной ренты и отвлечение значительных трудовых ресурсов деревни в личный сектор аграрной экономики.

Действительно, колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой, а иногда практически неоплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, который не только являлся более стабильным источником дохода, но и позволял выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали свое ЛПХ предельными нормами устава сельхозартели, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Помимо колхозников личное подсобное вели рабочие и служащие.

Личный сектор аграрной экономики в целом по стране и в большинстве ее регионов, включая Сибирь, отличался гораздо более высокой производительностью и развивался более высокими темпами, чем социалистический. К концу 1930-х г. ЛПХ занимали ведущие позиции в картофелеводстве, овощеводстве и продуктивном животноводстве региона. В начале 1938 г. доля ЛПХ населения Западной Сибири в общем поголовье КРС составляла 46,4 %, коров — 56,7, овец и коз — 47, свиней — 54,6 %; доля колхозов — 41,2, 32,5, 42,8 и 32,2 % соответственно. Удельный вес личных хозяйств в общей площади посева в этом году

составлял 2,8 %, картофеля — 64,7, овощей — 58,5 %; колхозов — 85,2, 27,1 и 25 % [9, с. 153–154].

В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ. 21 января 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали от местных властей в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения Устава сельхозартели по приусадебным участкам и количеству скота. «Излишки» скота подлежало «в обязательном порядке» сдать государству или колхозам по государственным, т.е. крайне низким ценам. Лошади, находящиеся в нарушение Устава сельхозартели в личном пользовании колхозников, подлежал безусловному «обобществлению» [12, с. 163–165]. Утвержденное майским (1939 г.) пленумом ЦК постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все «излишки» сверх установленных норм [18]. Кроме того, в конце июля 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, лимитирующее размеры приусадебных участков, проживающих в сельской местности «рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов» 0,15 га, включая площадь, занятую постройками, и так же, как в случае с единоличниками и колхозниками, требующее отрезки выявленных «излишков» [19].

В Новосибирской области в ходе проведенного в течение лета 1939 г. обмера «излишки» были выявлены у 11,5 % хозяйств колхозников, 69,2 % — единоличников и 59,6 % проживающих в сельской местности рабочих и служащих. До 1 ноября было отрезано 12,5 тыс. га в 54,8 тыс. хозяйствах [12, с. 194].

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по развитию общественного животноводства» от 8 июля 1939 г. [19] указывалось на то, что во многих колхозах поголовье скота в ЛПХ их членов больше, чем на колхозных фермах. Подобное положение необходимо было исправить, значительно увеличив количество скота в колхозах. В качестве одного из способов пополнения колхозного стада в постановлении называлась добровольная продажа своего скота колхозниками по государственным ценам. Однако на деле личные подворья стали основным источником пополнения колхозных ферм, а закуп скота в них фактически приобрел принудительный характер.

Ограничению пределов роста ЛПХ должны были способствовать и изменения в налоговом законодательстве. В новом законе о сельскохозяйственном налоге на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые по отношению к единоличникам [1]. Так же, как и у последних, размер налога с личных хозяйств членов колхозов теперь зависел от уровня годового дохода и исчислялся по прогрессивной шкале, тогда как в предшествующий период ставки их обложения

были едиными и не коррелировались уровнем доходности того или иного двора [8, с. 59–61]. Налоговое давление на ЛПХ помимо пополнения казны было призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах.

Внимание властей не ограничивалось лишь ЛПХ колхозников. С 1939 г. рабочие и служащие, проживающие в деревне и имеющие какое-либо подсобное хозяйство, стали привлекаться к поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и уплате сельхозналога. Согласно ранее действующему законодательству от выполнения этих обязательств большинство из них освобождалось [12, с. 152]. Результатом налоговой реформы стало существенное увеличение средней суммы сельскохозяйственного налога. В Новосибирской области его общая сумма в 1939 г. выросла по сравнению с предшествующим в 2,2 раза [8, с. 61].

В конце 1930-х гг. выросла тяжесть не только денежного, но и натурального обложения ЛПХ. В 1939 г. были увеличены нормативные размеры поставок мяса и молока. В 1940–1941 гг. за счет яиц, кожевенного сырья, сыра из овечьего молока («брынзы-сыра»), табака и махорки был расширен перечень сельхозпродуктов, подлежащих обязательным поставкам личными приусадебными хозяйствами колхозников. К сдаче мяса и молока по нормам колхозных дворов стали привлекаться проживающие в сельской местности члены промысловой кооперации, рабочие и служащие, если у них имелся скот. Ранее их ЛПХ (за исключением работников совхозов) от обязательных поставок указанных продуктов освобождались [8, с. 132, 143].

Давление на ЛПХ помимо пополнения казны было призвано снизить масштабы отвлечения колхозников на работу в своем хозяйстве вынудить крестьян с большей отдачей трудиться на колхозных полях и фермах. С той же целью устанавливался обязательный минимум трудодней для колхозников. Не выработавшие минимума могли быть исключены из колхоза с конфискацией приусадебного участка [19].

Советское руководство достигло целей, которые ставило перед собой, начиная кампанию по ограничению размеров ЛПХ. Рост налогово-податной нагрузки вынуждал колхозников сокращать размеры приусадебного хозяйства. Поступательное развитие личного сектора сельской экономики было фактически остановлено. Так, количество коров в ЛПХ колхозников Новосибирской области на 1 января 1941 г. по сравнению с началом 1938 г. выросло всего на 0,8 % (за 1937 г. оно увеличилось на 5%), а поголовье КРС в целом сократилось на 11 % [11, с. 227].

Отрицательная динамика развития ЛПХ более явно проявилась в конце 1940 и 1941 г., что стало следствием сильного неурожая

1940 г. Острая нехватка кормов вызвала массовый забой скота, в первую очередь молодняка. На 1 января 1941 г. поголовье КРС на подворьях колхозников Алтайского края снизилось по сравнению с 1 января 1940 г. на 21,2 %, овец и коз — на 28,2, свиней — на 78,7 % [3; 4]. В начале 1941 г. численность КРС в ЛПХ колхозников Западной Сибири составляла 71,5 %, коров — 94,3, овец и коз — 95,7, свиней — 53,0 % от уровня 1 января 1938 г. [6, с. 120, 139, 140; 23, с. 187, 189, 191, 193].

Параллельно с наступлением на личный сектор экономики принимались меры по утяжелению налогово-податного обложения колхозов. В 1939 г. изменились нормативы исчисления натуроплаты. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод) [17]. При этом потери, зависящие от погодных условий и несовершенства техники и «не используемые в хозяйстве», из определенного таким образом урожая не исключались. «Биологическая» урожайность зерновых приблизительно на 6–8 % превосходила исчисленную по действующему в 1935–1938 гг. «фактическому» методу, что позволило повысить величину натуроплаты, не изменяя ее расценок. «Биологическая» урожайность и исчисленный на ее основе валовой сбор не менее чем на четверть превышали амбарный урожай [5, с. 137–138]. Кроме того, были увеличены расценки натуроплаты для низкоурожайных и высокоурожайных колхозов, а также введена пеня, начисляемая за просрочку ее своевременной сдачи МТС. В итоге в 1939/40 г. в Алтайском крае в условиях более низкого, чем в предыдущем году, урожая удалось увеличить поступление зерна на счет натуроплаты на 22 % [8, с. 118–119].

В конце 1930-х гг. одной из причин низких темпов развития колхозного производства официально были названы недостатки действующей системы госпоставок, основным из которых называлось определение объемов сдачи продуктов полеводства по установленным для колхозов планам посевов, а продуктов животноводства — по плановому (поставки мяса) или наличному поголовью (поставки молока и шерсти). Подобная практика, по мнению ее критиков, «побуждала» руководителей хозяйств добиваться уменьшения планов, «поощряла» сокращение посевов и поголовья скота, не стимулировала введение в сельскохозяйственный оборот всех колхозных земель. Для исправления данного недостатка было решено увязать объемы госпоставок с площадью закрепленной за колхозами земли. Увеличению заготовок также должно было способствовать расширение системы госпоставок за счет новых сельхозпродуктов.

Программа реформирования порядка натурального обложения колхозного производства была реализована в 1940 — начале 1941 г. [8,

с. 129–132, 142–144] Перечень продуктов, подлежащих обязательным поставкам, в который ранее входили зерновые культуры, подсолнечник, картофель, мясо, молоко и шерсть, пополнился яйцами, овощами, сеном, льном, коноплей, кожсырьем, сыром из овечьего молока. Объемы госпоставок колхозами зерна, маслосемян, картофеля и овощей стали определяться по нормам сдачи с каждого гектара закрепленной за ними пашни, включая огороды колхозников, вне зависимости от того, засеяны облагаемые площади или нет.

Объемы обязательств по поставкам мяса, молока, шерсти, «брынзы-сыра» колхозами стали определяться по годовым нормам сдачи с каждого гектара, а кожсырья — с каждых ста гектаров, закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий, включая пашню, луга, пастбища, сады и огороды; по поставкам яиц — с каждого гектара пашни, облагаемой зернопоставками. Поставками облагались не только используемые, но и неиспользуемые сельхоз-угодья. Изменения в порядке заготовок привело к увеличению их размеров. В 1940/41 г. в Омской области валовой сбор зерновых снизился на 5 %, а объем колхозных хлебозаготовок вырос на 25 % [5, с. 149; 13, с. 247].

В конце 1930-х гг. государство не ограничивалось только фискальными методами воздействия на деревню. Предпринимались меры к улучшению агротехники, качества семян, породности скота. В 1937 г. было принято решение о необходимости перехода в большинстве регионов страны, включая Сибирь к травопольной системе земледелия, восстановление плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав [15]. Травополье должно было заменить ранее внедряемое паропропашное многополье, эффективно функционирующее лишь при условии широкомасштабного применения минеральных удобрений, выпуск которых в СССР был минимален. Широкомасштабное расширение посевов трав также должно было способствовать укреплению кормовой базы животноводства. Компенсировать снижение площади пашни, отводимой для посевов зерновых в старопашотных районах должно было освоение целинных и залежных земель на Востоке страны.

В апреле 1940 г. был принят первый общесоюзный «целинный проект», нормативно оформленный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» [21]. Планировалось в течение 1940–1942 гг. за счет целинных и залежных земель увеличить площадь

пашни в указанных районах на 4345 тыс. га, засеяв их преимущественно яровой пшеницей. Для обеспечения выполнения плана предусматривалось создание 136 новых МТС. Нехватку рабочей силы решили частично компенсировать за счет расширения масштабов переселения колхозников из трудоизбыточных районов европейской части РСФСР. Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 г. в Западной Сибири освоили 898,6 тыс. га целинных и залежных земель. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1941 г. их ввели лишь в каждом шестом колхозе Омской области. В других районах Сибири ситуация была еще хуже [7, с. 111]. Переход к травополью и освоение целины прервала Великая Отечественная война.

В конце 1930-х гг. продолжалась механизация колхозного производства, хотя ее темпы в связи с переключением промышленности на преимущественное производство военной продукции снизились. За 1938–1940 гг. в Западной Сибири было построено 75 новых МТС. Всего в регионе в начале 1941 г. насчитывалось 490 МТС. Они обслуживали более 82 % колхозов. Тракторный парк вырос на 28 %, число комбайнов — в 1,7 раза [5, с. 96–97]. При этом в связи с сокращением поставок новой техники возросла изношенность тракторного и машинного парка МТС.

Относительно низкая заработная плата и неудовлетворительные условия труда являлись причиной высокой текучести механизаторских кадров в МТС. Жесткие преграды их оттоку поставил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [2], действие которого 17 июля было официально распространено на работающих в МТС бригадиров тракторных бригад, трактористов, комбайнеров и их помощников [22]. Указ от 26 июня предусматривал судебную ответственность рабочих и служащих за «прогул без уважительной причины» в виде исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% заработной платы. Наказанием за самовольный уход с работы являлось тюремное заключение сроком от 2-х до 4 месяцев.

Несмотря на предпринимаемые усилия, темпы наращивания сельскохозяйственного производства в конце 1930-х гг. снизились. За 1938–1940 гг. посевные площади во всех категориях хозяйств в Западной Сибири увеличились на 4%, а посевы зерновых культур — лишь на 1% [14, с. 6, 8; 10, с. 166, 168]. В социалистическом секторе не удалось в полной мере компенсировать спад в личном животноводстве. В 1938–1940 гг. поголовье КРС во всех категориях хозяйств уменьшилось на 11 %, свиней — на 27, коров осталось фактически неизменным, а овец

и коз выросло на 22 % [6, с. 120, 139, 140; 10, с. 187, 189, 191, 193]. Позитивные результаты овцеводства явились следствием его меньшей кормозатратностью.

Крайне негативное влияние на динамику развития аграрного сектора экономики Западной Сибири оказал катастрофический недород 1940 г. Несмотря на значительное снижение валового сбора зерна, план хлебозаготовок снижен не был. Его выполнение обеспечивалось возросшим административным и судебным давлением на колхозных функционеров. Многие хозяйства в итоге не смогли сформировать продовольственные, фуражные и семенные фонды. Резко снизилась оплата труда колхозников. В 1940 г. на один трудодень колхозникам Алтайского края выдали по 0,8 кг. зерна (в самом урожайном из предвоенных 1937 г. — 4,3 кг., в 1938 г. — 3,5 кг., в 1939 г. 2,0 кг) [5, с. 167]. Недород трав привел к увеличению падежа скота от бескормицы. Часть скота была сдана в счет выполнения плана хлебозаготовок. Зимой 1940/41 г. в деревнях непродуктивной зоны Алтайского края, Новосибирской и Омской областей начался голод. В итоге колхозы и западносибирская деревня в целом вошли в Великую Отечественную войну с существенно ослабленным «общественным» и личным хозяйством.

Список использованной литературы и источников

1. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1939. — 23 сент.
2. Ведомости Верховного Совета. — 1940. — 5 июля.
3. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). — Ф. Р-718. — Оп. 18. — Д. 1905. — Л. 25.
4. ГААК. — Ф. Р-718. — Д. 1906. — Л. 8.
5. Гуцин Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941) / Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1975. — 284 с.
6. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : стат. сб. — Москва; Ленинград : Госпланиздат, 1940. — 220 с.
7. Ильиных В. А. *Звезда и смерть сибирского травополя* / В. А. Ильиных // *Крестьяноведение*. — 2016. — № 1. — С. 93–121.
8. Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / В. А. Ильиных. — Новосибирск : ГУП РПО СО РАС-ХН, 2004. — 167 с.
9. Ильиных В. А. Организационно-хозяйственная структура аграрного сектора экономики Западной Сибири в 1930-е гг.: факторы трансформации, динамика / В. А. Ильиных // *Сибирская деревня: проблемы истории*. — Вып. 2. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2014. — С. 131–164.
10. Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. — Москва : Гос. стат. изд-во, 1957. — 371 с.

11. Новосибирская область в 1939 г.: [стат. сб.]. — Новосибирск: Б.И., 1940. — 131 с.
12. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2000. — Вып. 1 : Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. — 210 с.
13. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2002. — Вып. 2 : Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. — 253 с.
14. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г. Стат. справочник. — Москва; Ленинград : Госпланиздат, 1939. — 332 с.
15. Правда. — 1937 — 30 июня.
16. Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР) — 1939. — № 24. — Ст. 316.
17. СП СССР — 1939. — № 33. — Ст. 231.
18. СП СССР — 1939. — № 34. — Ст. 235.
19. СП СССР — 1939. — № 24. — Ст. 316.
20. СП СССР — 1939. — № 47. — Ст. 362.
21. СП СССР — 1940. — № 10. — Ст. 251.
22. Советская Сибирь — 1940 — 19 июля.
23. Численность скота в СССР : стат. сб. — Москва : Гос. стат. изд-во, 1957. — 619 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS, 8, Nicolaev str. Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.